

АЛЕКСЕИ
ЕЛИСЕЕВ

АРОН
РОДОВИЧ

КРАЙ ГАЛАКТИКИ.

РЕВЕРС 5

Край Галактики. Реверс

Алексей Елисеев

Край Галактики. Реверс V

«Автор»

«Автор»

2026

Елисеев А.

Край Галактики. Реверс V / А. Елисеев — «Автор», «Автор»,
2026 — (Край Галактики. Реверс)

В Империи Лубасири не прощают долгов, а на Краю Галактики выживают лишь те, кто контролирует потоки грузов и собственную судьбу. Искусственник Ар Сен, сохранивший при переносе психоматрицы в новое тело рефлексy и обрывки памяти земного пилота, вырвался из инкубаторов Академии Имперской Колониальной Администрации. Теперь он — второй пилот на частном грузовом независимого капитана. Однако относительная стабильность фронтальной логистики рушится. Присутствие на борту беглого боевого истребителя-линковода, за которым тянется кровавый след и пристальный интерес имперских спецслужб, сулит только проблемы. Жесткая и прагматичная капитан Желлия Харк ведёт звездолёт в серые зоны. По следу идут пираты, а впереди пролегают нестабильные гиперкоридоры. Чтобы защитить экипаж и не стать разменным ресурсом в играх Великих Домов, Ару придется пойти на риск. Но в мире, где человек — это функция, а нервная система сплетается с искусственным интеллектом корабля, цена может оказаться слишком высока.

© Елисеев А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Повреждённый звездолёт	5
Глава 2. Повреждённый звездолёт	11
Глава 3. Повреждённый звездолёт	15
Глава 4. Внутренний осмотр	20
Глава 5. Цена	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Край Галактики. Реверс V

Глава 1. Повреждённый звездолёт

Сервопривод с глухим, изолирующим шипением свёл толстые створки медотсека у меня за спиной, отсекая стерильный запах и тишину. Тяжёлые пустотные ботинки успели отсчитать метры лишь до первого поворота коридора, когда комм щелкнул сигналом вызова, пропуская голос Харк.

— Ар, сразу поднимайся на мостик, — тон у неё был собранный, без лишних вступлений. — Из четвёртого сервисного рукава прислали утверждённый порядок внутреннего осмотра. Нам изменили время постановки в док.

— Я уже в пути, капитан, — я сбросил темп шага, перестраиваясь на рабочий лад. — Через две минуты буду у вас.

— Хорошо. По дороге ничего не предпринимай и никого не поднимай. Сначала сядем и разберёмся, что именно от нас потребовали.

Связь оборвалась, оставив меня наедине с мерным гулом корабля.

Я миновал узкое техническое ответвление, где совсем недавно отогревал Тис. Сдвижная дверь в тесный отсек уборочных дроидов была уже наглухо закрыта, а на служебной панели ровно светилась обычная отметка свободного помещения. Мне хватило одного беглого взгляда, скользнувшего по индикатору. Останавливаться и проверять, насколько тщательно умная автоматика вычистила следы нашего пребывания, я категорически не собирался. Риваш ясно велел всем возвращаться к работе, Харк прямо сейчас ждала на мостике, а израненная «Тэбити» по-прежнему висела в зоне ожидания с распоротым правым бортом, напоминая о том, что реальные проблемы находятся вокруг нас, а не в камерке для подсобного инвентаря.

Маршевые двигатели спали. Маневровые дюзы Кито благоразумно оставил в режиме готовности, но после завершения внешнего осмотра автоматика удерживала положение корабля в пустоте почти без коррекций. Вокруг нас непрерывно работали станционные маяки. Через интерфейс дополненной реальности я отчётливо видел их цифровые метки, просвечивающие прямо сквозь переборки, и мог в любой момент развернуть текущий курс и векторы сближения, однако капитан приказала сначала прийти на мостик. Я подавил профессиональный рефлекс и пошёл дальше.

На мостик я шагнул через минуту с небольшим.

Харк стояла у центральной панели, опершись о край пульта подтянутым задом. Кито оккупировал инженерное кресло и теперь вчитывался в длинный, развёрнутый перед ним документ, пришедший из дока. Олик устроился за оружейным терминалом. После окончания маетного внешнего досмотра он полностью перестал изображать расслабленного туриста на большой станции и теперь методично, с холодным расчётом сканировал ближайшее пространство, хотя стрелять в буферной зоне было решительно не в кого.

На главном обзорном поле безмолвно висела колоссальная часть Калим-Тоша. С нашего текущего места на рейде туша станции закрывала почти половину внешнего обзора, подавляя масштабом. Между её освещёнными сервисными блоками деловито двигались буксиры, громоздкие рабочие гравиплатформы и корабли, которые уже получили свои векторы посадки и теперь неторопливо тянулись к докам.

Харк дождалась, пока я обойду стойку и опущусь во второй пилотский ложемент.

— Риваш передал, что Тиссая останется в медотсеке вплоть до повторной проверки, — произнесла она, глядя прямо перед собой. — Поэтому возвращаться к её состоянию сейчас не будем. Если служба дока вдруг захочет войти в медицинский отсек, разговаривать с ними буду лично я.

— Он её раньше времени не выпустит, — хмыкнул я, фиксируя ремни кресла. — Даже если она попытается задавить его званием, своим боевым опытом и священным правом взрослого человека самостоятельно портить себе здоровье.

Кито хмыкнул и оторвал тяжёлый взгляд от документа.

— Риваш когда-то благополучно пережил собственную смерть и после этого события навсегда сохранил привычку считать себя самым умным существом в помещении, — пророкотал механик. — Полковничье звание на него точно не подействует.

— На тебя, типа, произведёт, — не отрывая глаз от показаний радара, вставил Олик.

— Я, в отличие от некоторых, хотя бы слушаю технические аргументы, — парировал Кито.

— Ага-ага... Но только тогда, когда сам их произносишь.

Кито медленно повернул голову к терминалу канонира.

— Олик, у тебя имеется поистине редкий талант. Ты виртуозно путаешь профессиональный разговор специалистов с возможностью вставить абсолютно бессмысленное замечание. Постарайся сегодня использовать его пореже. К нам на борт придут люди, которые выставляют счета даже за то время, которое тратят на объяснение очевидного.

— Вот поэтому я, типа, и тренируюсь заранее, — ничуть не смутился Олик, продолжая гонять данные по экрану. — Потом за мои замечания, возможно, придётся платить, а сейчас они пока входят в бесплатный корабельный быт.

Харк выдержала необходимую паузу, давая им закончить, и коротким жестом увеличила документ в центральной зоне.

— Разговор о выдающихся достоинствах Олика считаю завершённым. Теперь слушайте внимательно. Диспетчер четвёртого рукава только что сообщил, что ремонтная позиция освободилась раньше графика. Буксир подойдёт к нам ровно через сорок три минуты. Сразу же после фиксации корабля в захватах внутренняя группа начнёт осмотр.

Я машинально сверился с системным временем.

— Нас ведь собирались держать в зоне ожидания куда дольше.

— Собирались, — отрезала Харк. — Мати недавно подтвердил, что это он лично попросил их ускорить нашу постановку.

— И теперь мы, видимо, должны считать, что он сделал нам невероятное одолжение?

— Мати может считать всё, что ему угодно. Я пока вижу на балансе только случайно освободившуюся позицию и сорок три минуты на финальную подготовку. А размер нашей благодарности он сообщит сам, когда решит, что мы уже достаточно зависим от его помощи.

Олик перестал изображать полуулыбку, и его лицо мгновенно стало жёстким.

— Он уже внёс нас в очередь на ремонт, договорился, типа, с конкретным доком и явно подвинул кого-то в расписании. Такие административные одолжения не делают просто ради красивого жеста.

— Именно поэтому я и не собираюсь благодарить его раньше времени, — стальным тоном произнесла капитан. — Сначала мы благополучно пройдем осмотр, получим перечень работ и итоговую цену. И только после этого станет ясно, какую именно услугу он оказал и что собирается потребовать взамен.

Я перевёл взгляд на инфопанель и открыл свою копию. Служба дока педантично разбила внутренний осмотр на несколько изолированных участков. Специалисты собирались проверить временный обход нашей правой силовой линии, прозвонить распределительный узел, изучить внутреннюю сторону повреждённой обшивки, оценить крепления несущего набора корпуса и заглянуть в третий грузовой трюм. И этот последний пункт содержал отдельное, внушительное приложение.

— Докеры расписали третий трюм подробнее, чем весь инженерный отсек, — я провёл пальцем по сенсорной полосе, пролистывая список. — Требуют показать им внутренние

гермозатворы, крепления стоящего там «Жала», оружейные блокировки, ракетные кассеты и состояние пускового контура.

— После того как мы завернули их внешний осмотр, другого результата и ждать не стоило, — констатировала Харк. — Мы категорически отказались открыть трюм на рейде. Теперь они легально проверят всё, за что я тогда приняла ответственность.

Кито вывел текст приложения в общую голографическую область, чтобы каждый мог видеть детали.

— Оружие их интересует исключительно в рамках протоколов безопасности ремонтной зоны, — пояснил механик. — Им нужно визуально убедиться, что ракеты физически заблокированы, пусковой контур обесточен, а сам перехватчик не запустит маршевый двигатель, пока люди будут работать прямо возле корпуса. Эти требования абсолютно разумны. Я бы потребовал то же самое, если бы чужой вооружённый корабль привезли в мою мастерскую.

— Тогда проблема, типа, отсутствует? — приподнял бровь Олик.

— Проблема никуда не делась, — тяжело вздохнул Кито. — «Жало» недавно выходило в реальный бой. На его соплах остались явные следы работы, в бортовом журнале записаны циклы запуска со всеми нагрузками, оружейная система принимала ракеты, а крепления мы экстренно регулировали после посадки. Любой нормальный инженер увидит это сразу, едва переступив порог.

Я мысленно оценил масштаб грядущей катастрофы и развернулся к инженеру.

— Ты можешь просто подчистить журнал? — выдал я.

Кито выпрямился, оторвал руки от пульта и посмотрел на меня таким долгим, невыразимо тяжёлым взглядом, словно я только что на полном серьёзе предложил залить корабельное машинное отделение водой, чтобы проверить, какие именно системы выживут и останутся включёнными.

— Очистить можно почти любой бортовой журнал, Ар, — произнёс Кито с той тягучей, сухой убедительностью, которую приберегал для исключительных глупостей. — Но после такой очистки в массиве данных останется аккуратная зияющая дыра с прикреплённым к ней точным временем постороннего вмешательства. Любой стационарный инспектор споткнётся о неё быстрее, чем о штатную запись о боевом вылете, и мгновенно получит протокольное основание искать уже сознательное сокрытие улик. А мне бы очень хотелось избежать ситуации, при которой нашу топорную ложь обнаружит тот самый человек, которому мы только что из собственного кармана заплатили за осмотр.

Харк коротко кивнула, не сводя взгляда с экрана.

— Журнал мы не трогаем. Никакие технические следы не скрываем. На любые прямые вопросы о состоянии машины инспекторам отвечаем чистую правду.

— Они обязательно спросят, кто именно пилотировал перехватчик, — заметил я, чувствуя, как внутри неприятно натягивается струна грядущих бюрократических допросов.

— Такой вопрос они зададут мне, как действующему капитану, — ровным, отрезающим сомнения тоном ответила Харк. — Твоя задача — подтверждать или опровергать технические факты, которые относятся непосредственно к движению корабля и алгоритмам подготовки трюма. Кито берёт на себя ответы за системы питания и общую корабельную безопасность. А вот решение выпустить «Жало» принимала лично я. Причину применения бортового оружия буду объяснять тоже я.

— А если инспектор проигнорирует субординацию и обратится с таким вопросом ко мне напрямую? — я чуть подался вперёд, фиксируя рамки дозволенного.

— В таком случае сначала вежливо уточни, относится ли его вопрос к специфике твоей работы, — проинструктировала Харк, повернувшись ко мне. — И только после этого отвечай, причём ровно в тех жёстких пределах, в которых ты сегодня утром отвечал оператору связи во время внешнего осмотра. Ты не сочиняешь удобную историю на ходу, не рассуждаешь вслух

при проверяющих и ни при каких обстоятельствах не пытаешься помочь им догадаться о том, чего они пока не знают.

Я откинулся на спинку пилотского ложемента, переваривая услышанное. Лишнего не болтать, инициативу не проявлять, чужую ответственность на себя не тянуть.

— Так точно. Задача ясна. Технические и навигационные данные сообщаю в полном объёме, а все командные решения безусловно оставляю капитану.

— Именно так.

Олик скольльзящим движением пальцев развернул приложение на свой экран, отчего холодный свет тактического пульта резче обозначил морщины у него на лбу.

— Здесь, типа, чёрным по белому указано, что вместе с ремонтной группой на борт будет вооружённая станционная охрана, — его голос звучал обманчиво легко. — Я хочу зараннее, на берегу, понять, как именно должен встречать его член экипажа, который отвечает за внутреннюю безопасность этого корабля. Личный игольник я оставляю при себе, или мне следует унижительно сложить всё оружие в опечатанный шкаф, чтобы господа ремонтники, не дай бог, не перенервничали в процессе работы?

— Игapistолеты остаются у всех в поясных кобурах, — отрезала Харк, даже не посмотрев на безопасника. — Твой штурмовой доспех и тяжёлое оружие остаются в полной готовности сложенными возле поста. Встречать инспекторов в полной тактической броне ты не будешь.

Олик чуть наклонил голову, словно прислушиваясь к раздражающей его фальшивой ноте.

— У них будет свой вооружённый охранник, а у нас в третьем трюме открытым текстом лежат боевые ракеты и форсажное рабочее тело для истребителя. Я вовсе не пытаюсь устроить здесь немотивированную перестрелку, капитан. Мне просто глубоко не нравится ситуация, когда правила позволяют одним на законных основаниях держать оружие, а другим настоятельно предлагают выглядеть безобидной декорацией.

— Охрана взойдёт на борт по установленному порядку, потому что служба местного дока проверяет аварийный корабль с активным вооружением на борту, — Харк наконец повернулась к нему, и в её интонациях лязгнул металл. — Если ты выйдешь к ним навстречу в доспехе и с тяжёлым плазмоганом наперевес, этот порядок мгновенно изменят. Вместо пяти скучных инспекторов мы получим на борт целое десантное отделение колониальной пехоты, полную принудительную остановку всех работ и отдельный, весьма неприятный досмотр абсолютно всех жилых отсеков. После этого ты сможешь очень долго и красочно объяснять диспетчерам, как старательно защищал нашу корабельную безопасность. Они здесь тоже из всех сил борются с космическим пиратством.

Олик молча выслушал отповедь до самого конца и задумчиво потёр ладонью нижнюю челюсть, взвешивая риски и признавая поражение.

— Согласен, в таком развёрнутом виде перспектива действительно выглядит куда хуже. Значит, я, типа, безвылазно остаюсь на мостике, примерно держу пистолет в кобуре и старательно изображаю благоразумного члена экипажа.

— Твоё изображение должно непрерывно продержаться вплоть до полного ухода группы с борта.

— Я постараюсь, капитан, — Олик слабо усмехнулся. — В конце концов, я умею вести себя прилично даже дольше пяти минут подряд. Жаль только, свидетелей моих, типа, триумфов осталось совсем немного.

— Кито будет рядом и зафиксирует это выдающееся достижение, — сухо парировала Харк.

Инженер, не отрывавшийся от своих расчётов, даже не дрогнул лицевыми мышцами.

— Я категорически отказываюсь подписывать заведомо ложные документы, — пророкотал он, глядя в экраны.

Олик смерил его долгим взглядом, а затем со вздохом снова повернулся к своему мерцающему пульту.

— Вот именно поэтому с тобой, типа, и невозможно создать нормальную оперативную легенду.

На этом разговор завершился, обойдясь без новой полновесной перебранки. Олик получил ясную, жёстко очерченную задачу и благоразумно перестал нащупывать границы, проверяя, насколько упорно Харк позволит ему спорить в этот раз.

Выдохнув, я перевёл внимание обратно на экран и погрузился в чтение основного раздела документа. После проверки нашей временной силовой линии инженеры дока собирались полностью снять рабочую нагрузку с правого борта и провести глубокую внутреннюю дефектоскопию. Чтобы получить физический доступ к оплавленному несущему набору, им требовалось последовательно демонтировать сразу несколько изолирующих панелей.

— Кито, что технически произойдёт с кораблём после того, как они начнут снимать внутреннюю обшивку? — задала логичный вопрос Харк, вчитываясь в те же строки.

Вместо словесного ответа инженер вывел проекцию схемы прямо над пультом и указал сухим синим пальцем на пульсирующий повреждённый участок.

— Сначала ремонтники замерят и зафиксируют текущую нагрузку на временном обходе. Затем они переведут критичную часть питания на левую основную линию и задействуют резервные переключки. И только после этих манипуляций они смогут безопасно отключить повреждённый участок сети и физически добраться до сгоревшего распределительного узла. При правильном и аккуратном порядке отключения корабль будет функционировать. Мы остаемся с базовым жизнеобеспечением, каналами связи и частью вспомогательных систем.

— А наши маневровые двигатели останутся доступны?

— Вплоть до момента инструментального отключения обхода — да, останутся. Но сразу после разрыва цепи мы сможем питать энергией только несколько малых профильных двигателей через тонкую резервную энергетическую лиерлинию. Для того чтобы чуть скорректировать крен на стоянке — этого хватит, но для нормального самостоятельного выхода из доковой зоны этого критически недостаточно.

Харк скрестила руки на груди, не отрывая тяжёлого взгляда от светящейся разводки на голограмме.

— Значит, как только они начнут глобальную разборку, мы будем прикованы и уже не сможем покинуть этот рукав своим собственным ходом.

— Совершенно верно, — подтвердил Кито, гася проекцию. — Рабочие дока должны будут вернуть питание в цепь, заварить вскрытый участок обратно и аппаратным тестом подтвердить прочность восстановленных креплений корпуса. Только после этого стационарный буксир сможет вывести нас из ремонтной позиции без риска развалить весь корабль на куски. И даже если мы в процессе вдруг передумаем и откажемся от их основного дорогого ремонта, обратная герметичная сборка всё равно безжалостно сожрёт наше время и кредиты.

— Какую именно часть их регламентного осмотра можно провести без полного отключения нашей временной схемы? — капитан продолжала искать резервные варианты.

— Они смогут прощупать только внешнюю сторону узла, замерить фоновую температуру, снять сопротивление под текущей нагрузкой и осмотреть доступные, не перекрытые пластинами крепления. Этого, пожалуй, хватит, чтобы официально, бумагами, подтвердить уже и так нам известное. Наш распределительный блок выгорел дотла, кустарный обход стабильно работает, а правый борт получил масштабные тепловые повреждения. Но истинное состояние скрытого несущего набора они просветить не смогут — это возможно только после снятия напряжения и программной разгрузки линии.

— А если мы категорически запретим им разгрузку?

— Тогда мы получим от них урезанное, неполное заключение с пометкой о срыве регламента, — лицо инженера потемнело. — Любой другой док просто начнёт всю эту бюрократическую проверку с самого начала и с огромным удовольствием спишет с нас новый солидный депозит. И кроме того, капитан, если говорить откровенно — я сам не подпишу разрешение на дальнейший полёт без глубокого осмотра шпангоутов и внутренних монтажных креплений. Снаружи листы корпуса откровенно повело от жара. Я даже не представляю, какая структурная катастрофа произошла под ними, и гадать не намерен.

Глава 2. Повреждённый звездолёт

Харк медленно провела кончиком пальца по подсвеченному участку на голограмме, словно физически осязая рваные края пробоины. Я видел по её напряжённым плечам, как ей не нравится отдавать контроль над кораблём.

— Мне нужен чёткий, пошаговый порядок действий, — произнесла она, не отрывая взгляда от схемы. — Составь его сам, распиши до мелочей и передай старшему инженеру их доковой группы до того, как они вообще прикоснутся к обшивке.

— Уже компилирую, — ровно отозвался Кито. — Сначала методично фиксируем текущую нагрузку на нашем обходе во всех трёх ходовых режимах. Затем наглухо закрываем правую магистраль, переводим питание на левый борт и только после этого, убедившись в стабильности, позволяем им снимать панели. Если эти ремонтники попытаются проявить инициативу и начнут с тупого отключения питания, я немедленно остановлю им всю работу.

— Сначала, — с нажимом поправила Харк, — ты словами объяснишь им причину остановки.

— Я прекрасно умею объяснять причины, — сухо парировал механик, не отрываясь от расчётов.

Сидевший за своим пультом Олик тихо хмыкнул, и этот звук отчётливо прорезал рабочую тишину мостика.

— Особенно хорошо и, типа, доходчиво у тебя это получается в те моменты, когда в руке зажат тяжёлый плазменный резак, — бросил безопасник.

Кито медленно развернулся в его сторону, смерив Олика тяжёлым взглядом.

— Тяжёлый резак замечательно помогает суетливому человеку быстро сосредоточиться на технической части сложного разговора, — назидательно произнёс инженер.

— Кито, — холодный голос Харк пресёк зарождающуюся перепалку в самом корне. — Инструмент останется рабочим, а не ударным инструментом. При любом техническом споре ты вызываешь на место меня или Ара и продолжаешь решать проблему словами через рот. Даже если их станционный старший инженер на деле окажется непроходимым, самоуверенным идиотом, он всё равно категорически понадобится нам живым и дееспособным до завершения ремонта.

— Вынужден согласиться с логикой капитана, — фыркнул Кито, возвращаясь к консоли. — Самоуверенного идиота, в крайнем случае, можно переубедить или заставить. А вот человека с раздробленной кистью нам придётся ещё и экстренно лечить, после чего Риваш с превеликим удовольствием выставит нам отдельный счёт за бессмысленную трату драгоценных медикаментов.

— Вот и хорошо. Значит, порядок работ мы согласовали окончательно, — подытожила Харк.

Оставив их дискуссию, я вывел на свой малый терминал обновлённое финансовое приложение от диспетчерской дока, и внутренности свело неприятным холодком. В этом документе даже близко не пахло окончательной сметой на ремонт. Педантичная служба станции указала лишь голую стоимость первичного внутреннего осмотра, почасовую аренду места в массивном ремонтном доке, работу маневрового буксира и обязательную обратную сборку панелей после диагностики. Но даже эти предварительные цифры выглядели отвратительно, заставляя мой мозг судорожно прикидывать остатки нашего корабельного бюджета.

— За один только внутренний осмотр они сходу сдерут почти половину того, что у нас осталось после внесения обязательного депозита, — глухо произнёс я, транслируя цифры на центральный экран. — И в эту гигантскую сумму сам ремонт, разумеется, вообще не входит.

— Я это прекрасно вижу, Ар, — преувеличенно ровным голосом ответила Харк.

Я продолжал прокачивать проблему, цепляясь за юридические тонкости доковых правил.

— А если они в процессе вскрытия найдут критическое повреждение нашего несущего набора корпуса, они ведь смогут официально закрыть нам выход в космос до полного устранения дефекта?

— Смогут, — мрачно подтвердил обернувшийся Кито. — И, по совести сказать, будут абсолютно правы. Корабль с повреждённым и ослабленным силовым набором может просто разойтись по швам при первом же нормальном маршевом разгоне. Я, будучи вашим механиком, сам не поведу вас дальше, пока не узнаю истинное состояние шпангоутов.

Мышеловка захлопнулась в моём сознании с громким щелчком, и я озвучил этот вывод, чтобы он прозвучал для всех.

— Выходит, мы своими же руками разрешаем им разобрать половину борта, оказавшись в полной от них зависимости, после чего они выкатят нам любую цену, которую мы уже физически не сможем обойти или оспорить.

Харк одарила меня тяжёлым взглядом, в котором не было ни капли иллюзий.

— Единственная альтернатива, Ар, состоит в том, чтобы так и остаться висеть в холодной зоне ожидания с системным повреждением корпуса и временной силовой схемой, которая в принципе не рассчитана на долгую и стабильную работу. В таком случае мы лишь потеряем время, а затем всё равно смиренно заплатим какому-нибудь другому доку за точно такой же детальный осмотр. С той разницей, что добираться до их ремонтного шлюза придётся своим долгим ходом, на уже неисправном корабле, которому Кито уже сейчас не доверяет.

— Я доверяю своей работе, — уязвлённо проворчал механик, вскинув подбородок. — Наш временный обход я собрал технически безупречно. Просто любая, даже самая гениальная временная схема не превращается в надёжную штатную магистраль только оттого, что нам с вами сильно не нравится рыночная цена капитального ремонта. Каждый лишний час под напряжением неумолимо изнашивает временки, перекаливает контакты, сушит прокладки и плавит кабельные перемычки. Рано или поздно одна из них гарантированно откажет под нагрузкой.

— Тогда выбирать нам здесь действительно не из чего, — грустно резюмировал я, чувствуя, как руки сами собой опускаются.

— Выбор есть всегда, — философски отозвалась Харк, закрывая финансовое приложение широким смахивающим жестом. — Просто в нашем конкретном случае один вариант позволяет получить точную техническую экспертизу и хоть как-то узнать реальное состояние корабля, а второй оставляет нас в неведении наедине с миной замедленного действия. Я выбираю осмотр и в полной мере принимаю будущие последствия.

Она выпрямилась, и её тон мгновенно переключился на сухие, отдающие приказы частоты.

— Теперь распределяем работу. Кито, ты головой отвечаешь за свою временную схему, строгий порядок разгрузки линии и прямой контакт с инженерами дока. Ар сейчас идёт вместе с тобой в третий трюм. Вы вдвоём быстро проверяете там все механические блокираторы, опорные крепления «Жала», обесточиваете пусковой контур катапульты и оцениваете состояние ракетных кассет. Свежие системные пломбы ставите с указанием текущего внутрикорабельного времени. Следы недавней боевой эксплуатации ни в коем случае не скрываете, пусть инспекторы видят всё как есть.

— Принял, капитан, — отозвался механик. — За оставшееся время мы как раз успеем провести полную физическую проверку систем и подготовить отдельную, изолированную диагностическую схему третьего трюма без прямого доступа к общему полётному журналу.

Харк отвернулась от механика и снова посмотрела на меня, фиксируя задачу.

— Ты лично сопровождаешь этих инспекторов по всему кораблю, пока я не дам какое-то другое прямое поручение. На наш мостик, в инженерный реакторный отсек, в оружейную

и третий трюм они заходят только вместе с нами. Самостоятельно по жилым и служебным коридорам «Тэбити» никто из этой бригады не ходит ни под каким предлогом.

— Я понял, капитан, — кивнул я. — Сначала я официально встречаю группу прямо у главного шлюза, затем веду их исключительно по утверждённому ремонтному маршруту. При любой их попытке отклониться или при любом новом неожиданном требовании — сразу вызываю вас.

— Абсолютно верно. Медотсек ни в какой инспекционный маршрут не входит. Если они вдруг попытаются изменить согласованный порядок и сунуть нос к Ривашу, отвечать им перед закрытой дверью буду лично я.

Олик, до этого молча внимавший распоряжениям, демонстративно поднял правую руку, словно послушный курсант, находящийся на учебном занятии.

— Выходит, моя боевая задача на сегодня звучит, типа, примерно как «смирно сидеть на полупустом мостике и изо всех сил выглядеть безопасным плюшевым мишкой». Я правильно уловил общий командирский замысел?

— Твоя задача состоит в том, чтобы непрерывно контролировать всю внешнюю обстановку вокруг корабля и станции, отслеживать входящую связь и мониторить наши внутренние датчики, — оборвала его сарказм Харк. — При этом ты не пугаешь пришедших к нам инспекторов своим грозным видом и не начинаешь героически спасать корабль до реального появления угрозы.

— Ну, в такой формулировке это звучит гораздо солиднее, — усмехнулся безопасник, картинно расправив плечи. — Я уже чувствую себя, типа, незаменимым профессионалом.

— Вот и постарайся всеми силами сохранить внутри себя это прекрасное чувство и ни в коем случае не делиться им с нашими доковыми гостями, — парировала капитан.

В эту секунду на общий тактический канал с тихим писком упало лаконичное сообщение от станционного диспетчера. Я машинально развернул лог движением пальца и увидел жирный синий идентификатор тяжелого докового буксира, расчётное время его подхода и предварительную геометрическую схему будущей магнитной сцепки.

— Маневровый буксир только что вышел из своего сервисного блока, — доложил я, считывая мелькающие цифры телеметрии. — До нас остаётся ровно двадцать семь минут чистого времени. Диспетчер просит подтвердить нашу полную готовность к парковочной постановке за десять минут до физического контакта.

Харк бросила оценивающий взгляд на хронометр в углу панели, а затем оглядела нас, подводя финальную черту.

— Любое обсуждение закончено. Кито и Ар немедленно идут в третий трюм выполнять блокировку. Олик остаётся на мостике дежурным. Я сама свяжусь с Ривашем по закрытому каналу и предупрежу его о возможном наглом запросе доступа к медицинскому отсеку. Ровно через двадцать минут все возвращаются на свои места по швартовочному расписанию.

Она на мгновение задержала взгляд на зависшей в воздухе голографической схеме оплавленного правого борта.

— Запомните, что после отключения нашей временной линии корабль превратится в мёртвую грудку железа и полностью останется в руках доковой рабочей бригады. Поэтому до самого начала чужих работ каждый из вас должен проверить свой участок лично, своими глазами и руками. Никакая чужая штампованная подпись на бумаге нас потом не спасёт, если кто-то из этой бригады допустит фатальную ошибку.

Кито тяжело поднялся со своего ложементов первым, привычно похрустывая суставами длинных пальцев.

— Вот теперь я целиком и полностью согласен с нашим капитаном. Пойдём, Ар. У нас в запасе меньше получаса, в трюме стоит вооружённый до зубов военный перехватчик, а к нам

едут дотошные инспекторы, которые очень хотят выяснить, почему он так активно и совсем недавно летал. Этот день явно обещает быть долгим.

Кивнув ему, я отстегнул ремни и поднялся следом. Бросив последний взгляд на экран, я убедился, что там, на трансляции с внешней кормовой камеры, сквозь ледяную пустоту Калим-Тоша в нашу сторону уже уверенно разворачивался массивный прямоугольный силуэт.

Массивный доковый буксир тяжело выплыл из-за нижней ремонтной фермы, и я на своём обзорном экране отчётливо увидел, как он начал плавно сближаться с левым бортом нашей искалеченной «Тэбити». Четвёртый сервисный рукав, куда нас загнали диспетчеры, целиком занимал одну из старых, ещё военных секций Калим-Тоша. И хотя саму исполинскую станцию за прошедшие десятилетия многократно достраивали и перекраивали, именно здесь первоначальная утилитарная конструкция сохранилась в первозданной неприкосновенности. Мой взгляд скользил по прямому как стрела ремонтному каналу, механически отмечая толстые, лишённые всякого изящества броневые стены, цепкие ряды пока ещё мёртвых захватов и две циклопические фермы, по направляющим которых скучно ползали рабочие платформы. Холодные белые лампы безжалостно высвечивали каждое заклёпочное соединение рукава, тогда как пульсирующие оранжевые сигнальные огни методично обозначали выступающие силовые балки и острые края монтажных площадок. Вязкое ощущение того, что нас сейчас положат на хирургический стол, только усилилось, когда в дальней глубине дока внешняя оптическая камера выхватила другой, уже изрядно распотрошённый транспортник: я безошибочно различал демонтированные листы его тусклой обшивки и фигурки людей, по пояс забравшихся внутрь обнажённого корпуса.

Сам надвигающийся на нас буксир выглядел откровенно старше большинства лощёных служебных машин, которые обычно суетились вокруг богатых торговых блоков станции. На его рубчатых, исцарапанных бортах я сразу заметил грубо покрашенные, но всё ещё выпирающие наружу крепления под тяжёлое военное оборудование, а всю переднюю грань тупого носа занимали два несоразмерно огромных сцепных механизма.

Комм на моей панели мягко тренькнул, сигнализируя, что оператор буксира решил не ограничиваться данными телеметрии и открыл прямой видеоканал связи.

На небольшом, выплывшем левее радара изображении появилось лицо пожилого лубасири. Его тёмно-синяя, огрубевшая кожа резко контрастировала с седой щетиной волос, а с экрана на меня цепко смотрел единственный живой янтарный глаз. Вторую глазницу заменяла вживлённая в череп глухая чёрная оптическая линза импланта старого образца. Он сидел так близко к объективу своей рубки, что я без труда мог рассмотреть въевшиеся в лицо морщины вокруг его плотно сжатого рта и бугристый, стянувший участок правой щеки след от застарелого термического ожога.

Глава 3. Повреждённый звездолёт

Я понял, что наш визит в третий ангар откладывается.

— Борт «Тэбити», меня зовут Рет Сорн, — его голос оказался таким же скрипучим и сухим, как обшивка его корыта. Каждое своё слово этот человек выговаривал с тяжёлой медлительностью. — Я внимательно прочитал переданный вами технический пакет. Ваш инженер настоятельно требует от меня сначала закрыть только носовой левый захват, проверить динамическую нагрузку, и лишь после этой процедуры закрепить корму. Вся автоматика моего буксира по умолчанию рассчитана на стабильную одновременную сцепку. Объясните мне, пожалуйста, с какой стати я должен вручную отключать свою штатную страховочную программу.

Я не успел открыть рот, потому что Кито уже подался вперёд. Будучи неестественно худым даже по специфическим меркам своего вида, наш инженер казался сотканным из одних острых углов. Рабочий комбинезон мешковато сидел на его сутулых плечах, но при этом длинные синие пальцы безошибочно запорхали по инженерной панели с невероятной скоростью. Я мельком посмотрел на Кито. Его серо-зелёные глаза оставались абсолютно отстранёнными, и по этому застывшему лицу было решительно невозможно прочитать, устал ли он до предела, смертельно раздражён происходящим или же просто по профессиональной привычке считает всех окружающих недостаточно квалифицированными для обсуждения своей работы.

— Я смею полагать, что техническая причина изложена в присланном вам пакете предельно ясно, — ровно отозвался механик. — Наш правый борт недавно получил массивное тепловое повреждение. Один распределительный блок полностью выгорел, и сейчас две установленные мной временные перемычки удерживают изрядную часть силовой линии корабля. На данный момент мы просто физически не знаем фактическое состояние внутренних несущих креплений. При одновременной сцепке ваша автоматика неизбежно распределит усилие по заложенной на верфи схеме корпуса. А исходная схема вашей машины считает наш правый борт абсолютно целым.

Рет Сорн выслушал эту лекцию до самого конца, не перебивая и не меняясь в лице, и лишь когда слова Кито окончательно растворились в рабочей тишине рубки, снова заговорил:

— Односторонний силовой захват неминуемо развернёт нос вашего корабля влево. После чего ваш пилот должен будет мгновенно дать встречный компенсирующий импульс. Любая, даже малейшая его ошибка увеличит нагрузку на моё пока не заблокированное кормовое крепление в геометрической прогрессии.

— Именно поэтому за приборной доской сейчас сидит Ар, а я буду непрерывно смотреть на эпюры каждой точки крепления, — отрезал Кито с ледяным спокойствием. — При одновременной сцепке фатальную ошибку непременно совершит ваша слепая автоматика, которая ничего не знает о скрытом повреждении. При последовательной сцепке, которую в обход протоколов запрашиваю я, абсолютную ответственность несём мы с пилотом. Я предпочитаю второй вариант.

Старый оператор медленно провёл языком по пересохшей нижней губе, отвёл оценивающий взгляд от инженера и теперь упёрся своим живым янтарным глазом прямо в меня, словно проверяя мой пульс на прочность.

— Ар Сен, вы абсолютно уверены в том, что удержите всю массу корабля одним только левым бортом? — спросил он со стальным нажимом. — И мне совершенно не нужен ответ, вызубренный из учебного пособия. Я хочу услышать, работали ли вы с двигателями этого корабля уже после получения повреждения.

Вопрос ударил точно в центр моей профессиональной гордости, заставив выпрямиться в пилотском ложементе и крепче перехватить левой рукой край пульта.

— Сразу после отказа нашей правой линии я лично вёл «Тэбити» до самого Калим-Тоша, и я же жёстко удерживал её маневровыми дюзами во время недавнего внешнего осмотра, — ответил я, глядя прямо в объектив. — Я наизусть знаю текущие аппаратные ограничения, выставленные моим инженером. При сцепке я буду использовать только левые носовые корректирующие двигатели. Кормовые я подключу в работу только после голосового подтверждения. Если ваш носовой захват даст малейший нерасчётный рывок на фюзеляж, я сначала аккуратно остановлю начавшееся вращение контртягой, и только потом разрешу вам подходить к нашей корме.

Рет Сорн замолчал. Пауза длилась гораздо дольше обычного, он словно взвешивал мою интонацию и уверенность на скрытых весах своего опыта работы.

— Хорошо, — наконец глухо обронил лубасири. — Вот такой ответ меня вполне устраивает. Носовой левый захват идёт к узлу первым. После касания я фиксирую нагрузку, жду подтверждения от вашего инженера и только потом выпускаю кормовой механизм. Если ваши телеметрические показатели хоть немного разойдутся с моими — мы моментально прекращаем любое движение кораблей и выясняем причину. Здесь закрытый ремонтный рукав, а не соревнование рискованных пилотов.

— Подумать только, — почти про себя, с искренней толикой ядовитого изумления произнёс Кито, глядя в свой планшет. — На этой гигантской станции всё-таки нашёлся хоть один человек, которому целый, не разорванный пополам корабль важнее, чем формальная скорость выполнения коммерческой операции.

К несчастью, аудиоканал ещё не успел закрыться, и оператор буксира прекрасно расслышал этот комментарий.

— Мой рабочий буксир тоже стоит немалых кредитов, — бесстрастно парировал лубасири, моргнув единственным живым глазом. — И я совершенно не собираюсь мять его чувствительные сенсоры об ваш проблемный борт ради экономии тридцати секунд.

— Теперь у меня есть абсолютная уверенность в том, что мы прекрасно друг друга поняли, — философски констатировал инженер.

Без дальнейших церемоний Рет Сорн свернул канал направленной видеосвязи на своём конце, обрубив изображение и оставив мне только сухую рабочую телеметрию сближения.

Всё то время, пока мы препирались и торговались с доком, Харк неподвижно сидела в своём командирском кресле. Боковым зрением я считывал, как её светлые, холодные глаза непрерывно сканируют уменьшающееся расстояние до машины Сорна, в то время как узкие ладони расслабленно покоятся на подлокотниках. Она ни разу не попыталась вмешаться в наш разговор, не стала давить авторитетом или забирать переговоры себе. Кито персонально отвечал за жизнеспособность сожжённых систем, я как пилот всецело отвечал за динамику движения, и капитан просто позволила нам самостоятельно установить технические правила игры с тем человеком, который сейчас возьмёт на себя вес нашей посудины.

Сидевший справа от меня Олик откровенно изнывал от напряжения. Чонкегишит был слишком широкоплечим, природно тяжёлым и визуально заметно крупнее любого из присутствующих на мостике, отчего его сдавленная нервозность неминуемо заполняла собой всё помещение. К тому же он послушно, следуя недавнему приказу Харк, стянул с себя громоздкую боевую броню, оставив её сиротливо лежать возле оружейного поста. Теперь без привычного веса бронепластин он, очевидно, чувствовал себя уязвимым. Брошенная под яркие потолочные лампы блестящая бритая голова безопасника покрылась лёгкой испариной, а его беспкойные желтовато-карие глаза то и дело смещались с наших мониторов на угрожающе растущий силуэт буксира. На моих глазах Олик несколько раз подозрительно шумно втянул воздух, стискивая кулаки, но каким-то невероятным усилием воли пока удерживал в себе желание дать непрошенный совет.

На проекции главной обзорной панели я замороженно наблюдал, как колоссальный передний захват докового буксира хищно раскрыл свои стальные челюсти прямо вокруг нашего левого носового швартовочного узла. Рет Сорн филигранно сблизил машины на последних остающихся метрах вакуума и ювелирно погасил скорость своего корабля до значений, при которых векторы тяги практически обнулились.

Привычный мандраж тонкой иглой прошёлся по моему позвоночнику, требуя немедленного выплеска в механическое действие, и я намертво вцепился пальцами в элементы управления.

— Ар, крепко держи корабль на оси, — сухим, деловым тоном скомандовал Кито, не отрывая взгляда от бегущих графиков напряжения. — Прямо сейчас буксир войдёт в физический контакт с нашим узлом. Сразу после удара ты ничего не компенсируешь и ждёшь мою команду. Раньше моего слова тягу на маневровые не даёшь, даже если спиной почувствуешь, как нас начинает вести в разворот.

— Я прекрасно помню согласованный порядок, — процедил я сквозь зубы, гипнотизируя ползущие зелёные индикаторы крена.

— Это очень обнадеживает, что ты его помнишь, — донеслось слева.

Я с раздражением выдохнул, чувствуя, как сами собой сжимаются челюсти, и не смог проглотить эту реплику.

Кито медленно оторвался от своей инженерной панели и повернул голову в мою сторону. Его тяжёлый, молчаливый взгляд, упёршийся мне прямо в переносицу, оказался гораздо красноречивее любых слов.

Тяжёлый металлический лязг срезонировал сквозь обшивку, когда стальной механизм докового захвата наконец сомкнулся вокруг нашего носового узла. Густая, проникающая под кожу вибрация прокатилась вдоль всего левого борта «Тэбити», отзываясь лёгкой дрожью в органах управления.

— Физический контакт подтверждаю, — раздался в динамиках сухой скрип голоса Рета Сорна. — Закрываю страховочные замки.

Через интерфейс нейрошунта я собственным вестибулярным аппаратом ощутил ту нарастающую силу, с которой чужая массивная машина попыталась потянуть нос корабля влево, уводя его с выверенного вектора. Мои пальцы замерли над сенсорами тяги в миллиметре от срабатывания, но встречный компенсирующий импульс я давать не торопился, дисциплинированно дожидаясь расчётов инженера. Кито без единого слова вывел прямо поверх моей навигационной проекции пугающе быстро ползущий график напряжения на левое крепление.

— Замки успешно закрыты, — отчитался оператор после мерного лязга.

— Носовой швартовочный узел полностью принял базовое усилие, — холодным отстранённым тоном подтвердил Кито, анализируя скачки энергии на экране. — Продольная механическая нагрузка находится в пределах допустимой нормы. Ар, переведи ровно два процента мощности на левый носовой маневровый двигатель. И просто удержи текущий угол наклона, ни градусом больше.

Я плавно двинул ползунок, аккуратно посылая микрометрический импульс в дюзы, и медленно остановил начавшееся было паразитное вращение корпуса. И в этот самый момент тишину моего изолированного личного канала нарушил голос «Тэбити».

— Ар, в момент запирающего механического захвата по корпусу прошёл нерасчётно сильный толчок. Мне это совершенно не понравилось.

Её синтезированный голос звучал непривычно приглушённо и на полтона выше, чем во время сухих, протокольных докладов перед капитаном. Наш корабельный искин в последнее время всё чаще подбирал совершенно нетехнические, слишком эмоциональные человеческие слова для описания сугубо физических перегрузок металла. Если раньше я с лёгкостью спи-

сывал подобные странности на адаптивные особенности сложной программы, то сейчас кожей чувствовал за алгоритмом скрытую, почти органическую тревогу раненого существа.

— Наше крепление благополучно выдержало удар, — мысленно, через нейроинтерфейс, отозвался я, стараясь транслировать максимальное спокойствие. — Сейчас они аккуратно закроют второй захват на корме, геометрия стабилизируется, и тебя перестанет тянуть в сторону.

— Я вижу все телеметрические показатели, — в её интонации скользнуло нечто пугающе похожее на упрямство. — Но мне всё равно очень не нравится то, что происходит с обшивкой.

— Поверь, мне это нравится ничуть не больше твоего, — безмолвно признался я, не сводя глаз с краснеющих шкал напряжения.

Спустя бесконечные двадцать секунд томительного ожидания тяжёлый кормовой захват глухо вошёл в наш хвостовой узел. Лишь после скрупулёзной проверки показателей снятой со шпангоутов нагрузки Кито с явной неохотой разрешил буксиру принять на себя вес корабля, и мы в связке, медленно и неотвратно, потянулись вглубь освещённого чрева сервисного рукава.

По правую руку от моего широкого обзорного экрана монументально тянулась исполинская ремонтная ферма. Вдоль гладкой, изъеденной временем технической стены по мощным направляющим рельсам деловито скользили рабочие платформы. А на одной из них сутулые техники в промасленных комбинезонах методично складировали снятые с чужого судна элементы тусклой брони, а на соседней безмолвным строем застыли три массивных дроида с хищно выставленными вперёд плазменными резаками в манипуляторах. Дальше, за ажурным стальным переплетением фермы, змеились магистральные шланги систем охлаждения и бесконечные гирлянды питающих кабелей, словно пульсирующая кровеносная система этого индустриального муравейника в космосе.

Я ассистировал тяге буксира, ведя покалеченную «Тэбити» так плавно, как только позволяла инерция. Трёхмерная схема дока, развёрнутая перед глазами, уверяла меня, что у нас есть чистый, совершенно безопасный проход по габаритам, однако боковая трансляция с нашей внешней камеры рисовала куда более тревожную, реальную картину маслом. На израненном правом борту один из листов обшивки от жестокого перегрева повело дугою, и теперь его оплавленный край выступал в темноту заметно дальше, чем это первоначально обсчитал бестолковый станционный бот.

— Рет, скорректируйте вектор и сместите нашу связку влево ровно на восемьдесят сантиметров, — произнёс я ровным голосом, не отрывая прищуренного взгляда от трансляции.

Старый лубасири ожидаемо выдержал свою фирменную неспешную паузу и только потом ответил:

— По данным моей станционной телеметрии до конструкций фермы у нас остаётся комфортный метр сорок. Зачем вам понадобились эти лишние сантиметры запаса?

— В районе третьей поперечной рамы лопнул шов, и стальной лист обшивки выгнуло наружу, — ответил я, отслеживая стремительное приближение громоздкой платформы с дроидами. — Ваш бот-инспектор не смог снять этот точный размер из-за остаточной высокой температуры на листе, но прямо сейчас я отчётливо вижу этот торчащий угол. Если мы продолжим двигаться текущим курсом, сорванный край пройдёт непозволительно близко к вашей ремонтной платформе. Я не хочу ей рисковать из-за погрешности чужих датчиков.

Рет молча подтянул визуальную картинку с нашего борта на свой пульт.

— Вас понял. Подтверждаю, визуальный контакт показывает отклонение. Беру влево на полный метр. Запрошенные вами восемьдесят сантиметров дадут слишком малый габаритный зазор, на случай если при остывании этот лист вдруг продолжит отходить от посадочного крепления.

Кито мельком пробежался по своим данным и глухо отозвался со своего поста:

— Метр прямо сейчас действительно выглядит безопаснее...

Могучие движки буксира дали импульс тяги, перераспределяя вектор нагрузки, и громоздкая связка из двух кораблей послушно подалась левее. Спустя минуту я с облегчением наблюдал, как искореженный край листа нашего правого борта благополучно миновал угловатую выступающую платформу, оставив между металлом и чужим оборудованием успокоительное пространство.

— Очень хорошо увидел проблему, — не поворачивая головы, одобрительно заметила Харк.

— С моего рабочего кресла этот торчащий кусок обшивки выглядел куда страшнее и заметнее, чем в сухом тексте отчёта бота, — хмыкнул я, немного расслабив окаменевшие плечи.

— Бумажный отчёт не сидит за пилотским пультом и лично не отвечает за целостность корпуса, — обронила капитан тем же деловым тоном. — Продолжай смотреть наружу во все глаза.

Наконец мы достигли пункта назначения. Тяжёлые внутренние фиксаторы станции медленно, словно нехотя выползли из стен дока и намертво закрепили нашу «Тэбити» за нижние стыковочные площадки и левые швартовочные узлы. Повреждённый правый борт они благо разумно оставили свободно висеть в пустоте, предоставляя ремонтным бригадам беспрепятственный доступ к предстоящей зоне масштабных работ. Дождавшись полных индикаторов неподвижности, я уверенно заглушил все контуры маневровых двигателей, погружая машину в сон, а Рет Сорн с глухим стуком раскрыл и втянул обратно свои буксирные челюсти.

— Постановка на ремонтную позицию успешно завершена, — официально сообщил старший оператор по громкой связи. — Начиная с этой минуты вашим кораблём занимается исключительно разношёрстная инженерная группа этого четвёртого рукава. И мой вам небольшой бесплатный совет на прощание: внимательно слушайте Сала Венара, пока он разговаривает с вами спокойно. Потому что когда Сал начинает повышать голос, это обычно означает, что рядом кто-то уже непоправимо сломал очень дорогую деталь.

— Искренне благодарю за ценное предупреждение, — отозвалась Харк чуть мягче обычного. — Сцепка была выполнена аккуратно и очень хорошо. Спасибо.

Картинка на мониторе мигнула, и Рет Сорн снова возник в видеоканале, учтиво, но с явным достоинством склонив голову, оптический сенсор хищно блеснул при этом действии.

— Ваши пилот и инженер прекрасно знают свою работу и чувствуют машину, капитан. Удивительно ли, что всё прошло именно так хорошо. Удачного ремонта "Тэбити", — он отключился, очистив экран.

Глава 4. Внутренний осмотр

Доковый переход уже двигался к левому шлюзу, когда буксир окончательно освободил наши швартовочные узлы и отошёл к выходу. На обзорном поле его тяжёлый прямоугольный корпус медленно уменьшался, а гофрированный переход вытягивался к кораблю. Он лёг на комингс, зацепы сомкнулись, и через палубу до моих ботинок дошёл короткий толчок. На шлюзовой схеме побежала полоса выравнивания давления.

— Инспекционная группа ожидает у внешней створки, — доложила «Тэбити». — Пять разумных. По данным шлюзового сканера удостоверения действительны, идентификаторы оборудования совпадают с переданным списком.

Харк поднялась с командирского ложемента и одёрнула куртку. Она ещё раз проглядела маршрут группы, хотя мы разобрали его на мостике до прихода буксира, затем коротко распределила обязанности: я встречал инспекторов вместе с ней и сопровождал их по кораблю, Кито отвечал за техническую часть, а Олик оставался у оружейного пульта, следил за внешней обстановкой в доке, связью и внутренними датчиками.

Олик развернулся к ней вместе с креслом. Без брони он и без того чувствовал себя неуютно, а приказ сидеть на месте окончательно лишил его возможности заняться чем-нибудь героическим. Он шмыгнул носом, проверил застёжку поясной кобуры и только после этого положил обе ладони на пульт.

— Капитан, мы ведь договорились, что я, типа, буду вести себя прилично. Было бы справедливо дать мне возможность доказать это рядом с подозрительными людьми, а не на другом конце корабля.

— Докажешь прямо здесь, — ответила Харк. — Они пройдут через мостик. Ты остаешься за своим пультом, не полезешь к оружию и никого не попытаешься обезоружить.

Олик задумался, будто капитан предложила ему задачу со скрытым техническим подвохом, после чего тяжело вздохнул.

— В такой формулировке звучит досадно, зато предельно понятно.

Когда давление сравнялось, мы втроём спустились к шлюзу. Я занял место справа от Харк и открыл внутреннюю створку, заранее проверив по служебной схеме, что медсектор отделён от утверждённого маршрута закрытыми гермодверями. Сам факт, что Ивена Тор собиралась обсуждать людей, находившихся за этими дверями, неприятно стягивал живот. Мы не ввалили станции о количестве разумных на борту, но имени Тис и объяснения, почему пилот «Жала» лежит у Риваша, я отдавать чужой администрации не собирался.

Первым на палубу поднялся Сал Венар, старший инженер дока, о котором нас успел предупредить Рет Сорн. Высокий пожилой лубасири двигался без суеты, экономя не время, а собственные движения. Серо-синюю правую щёку пересекал старый белый шрам. Следом вошла Ивена Тор с административным планшетом, за ней два корпусных специалиста вкатили контейнеры с приборами, а последним появился вооружённый охранник. Его взгляд сразу задержался на наших кобурах, но рука к оружию не пошла, и я не стал придавать обычной профессиональной проверке лишнего смысла.

Харк назвала нас и дождалась, пока Ивена сверит гостевой допуск. Сал тем временем развернул на наручной панели порядок работ и сразу перешёл к делу.

— Сначала проверяем временное питание под нагрузкой. Затем осматриваем третий трюм. После этого разгружаем правую линию и снимаем внутренние сервисные панели над повреждённым участком. До начала разборки действующая схема питания остаётся включённой.

— Порядок подходит, — преувеличенно спокойно ответила Харк. — Любое изменение технической последовательности сначала согласовываете с Кито. Любое расширение маршрута — со мной.

Ивена открыла финансовый раздел заявки ещё до того, как мы успели тронуться с места. В нём находился тот самый пункт, который Харк до постановки в док согласилась оставить как страховку на случай, если после вскрытия корпус нельзя будет привести в безопасное состояние за счёт уже оплаченного осмотра. Мати Дрэнг заранее подтвердил готовность выступить гарантом в установленном лимите, однако док мог предъявить ему к оплате только аварийную фиксацию вскрытого участка, обратную герметизацию и сохранение позиции до конца текущей смены. Основной ремонт, замена повреждённого элемента несущей конструкции, новый распределительный блок и последующие смены в этот предел не входили.

Харк прочитала условия ещё раз, хотя прекрасно их знала, и только потом приложила палец к строке подтверждения.

— Дрэнга оставляю гарантом в указанных пределах. Любая работа сверх аварийной фиксации сначала проходит через меня.

— Зафиксировано, — сказала Ивена. — Без отдельного согласия капитана гарантия не покрывает основной ремонт и не сохраняет за кораблём следующую смену.

Только после этого она перешла к маршруту. Мостик, третий трюм и инженерный отсек оставались открыты для группы. Жилой и медицинский секторы в осмотр не входили, но администрация дока требовала подтвердить, что никто из закрытых помещений не появится в рабочей зоне без предупреждения.

— Для аварийной эвакуации мы передали полный состав, медицинские требования и зоны пребывания в закрытой декларации, — сказала Харк. — Четверо из шести разумных участвуют в работе. Двое находятся в медицинском секторе и не покинут его без решения врача. При тревоге «Тэбити» передаст вашей аварийной группе их точное положение. Имена, не участвующих в ремонте, вам для этого не требуются.

Ивена не улыбнулась и не стала задавать вопросы о тех, кто лежал в медсекторе. Она ещё раз открыла аварийную декларацию и смотрела только на количество и зоны: ей требовалось знать, скольких разумных придётся искать, если во время вскрытия борта что-нибудь пойдёт не так.

— На прошлой смене экипаж баржи не указал двух пассажиров, — сказала она. — При разгерметизации спасатели искали только заявленных людей и потеряли время. Поэтому количество и зоны я проверяю сама.

Она сверилась с закрытой декларацией, увидела совпавшие данные и закрыла раздел.

— Медицинский сектор остаётся вне маршрута. Если кто-то из находящихся там разумных переместится, сообщите администрации дока сразу.

— Сообщи, — ответила Харк.

Я позволил себе спокойно выдохнуть только после того, как планшет Ивены погас. Имя Тис так и не прозвучало. Станция получила всё, что действительно требовалось для спасения людей, и ни строчкой больше.

На мостике Олик встретил инспекторов именно так, как обещал капитану: сидел за оружейным пультом, держал обе руки на виду и старательно изображал разумного, которому совершенно безразлично, что вооружённый охранник остановился у него за плечом. Изображение продержалось до тех пор, пока пальцы безопасника сами собой не поползли к застёжке кобуры.

— Руку оставьте на пульте, — негромко сказал охранник.

Олик замер, посмотрел на собственные пальцы, словно они действовали без его разрешения, и медленно вернул ладонь на консоль.

— Повреждённый корабль, чужой док и вооружённый охранник за спиной, — объяснил он, шумно втянув воздух. — Для нервов, типа, достаточно. Я не трогаю пистолет, вы не ждёте, что я внезапно превращусь в нервного стрелка.

Охранник выдержал короткую паузу, после чего отступил на шаг, освободив Олику пространство.

— Договорились...

Кито уже развернул на инженерном пульте схему временного питания и журналы, куда «Тэбита» собирала данные о нагрузке и температуре после аварийного ремонта, во время ожидания и постановки в док. Он не стал в третий раз пересказывать историю повреждения, а сразу показал Салу две перемычки, проложенные в обход выгоревшего распределительного блока.

— Они одинаковой длины, каждая сидит на собственных датчиках, общая нагрузка ограничена, — пояснил Кито. — Разница по току и нагреву всё время оставалась в допустимых пределах. Если ваша группа намерена сначала убедиться, что временная схема работает, а потом уже разбирать то, что находится рядом с ней, я не стану считать сегодняшний день окончательно потерянным.

Сал спокойно просмотрел журналы и приблизил температурную карту повреждённого участка.

— Сам обход работает ровно. Меня интересует не он, а то, что находилось под выгоревшим блоком. Высокая температура держалась достаточно долго, чтобы повести крепление и поперечный элемент силового набора за внутренними панелями.

— Именно поэтому я согласился пустить вас внутрь, — ответил Кито. — По наружной обшивке видно, что одним распределительным блоком дело не закончилось. Чего именно натворил нагрев внутри, я пока не вижу и выдумывать не намерен.

Харк стояла рядом и не вмешивалась, пока инженеры говорили о своём. Сал сам перевёл на неё взгляд.

— Моя подпись определит обязательный перечень, капитан. Администрация дока получит измерения и заключение. Всё, что ими не подтверждено, останется коммерческим предложением, а не необходимой работой.

— Такой порядок меня устраивает, — сказала Харк. — Я оплачу восстановление корабля. Улучшать чужой месячный отчёт за свой счёт не собираюсь.

Кито вывел последовательность нагрузочной проверки. Он собирался поднять ток ступенями, дожидаться стабилизации температуры на каждой из них, сравнить распределение между перемычками и лишь после этого переводить потребителей на левую линию и резервные кабели. Сал убрал верхнюю ступень: по его расчёту она уже не давала новых данных, зато лишний раз грела соединения. Кито перечитал ограничение, сверил его с собственными графиками и с заметной неохотой признал разумным.

— Редкий случай, когда чужой инженер уменьшает нагрузку, а не пытается доказать мне храбрость оборудования, — произнёс он. — Принимаю.

Проверку они провели без спешки. Кито сам переключал нагрузку, Сал следил за графиками, корпусной специалист переставлял датчики и каждый раз ждал, пока показания успокоятся. Я стоял у второго пульта и видел на своей служебной проекции, как по мере перераспределения питания сереют недоступные участки правого контура. Маневровые двигатели всё равно были заглушены, корабль держал док, однако привычная схема управления на глазах превращалась в набор недоступных функций. После отключения обхода на правом борту должна была остаться только тонкая резервная линия, способная питать несколько малых двигателей для доковой коррекции, но не для самостоятельного выхода.

Разница по току и нагреву осталась в пределах допуска. Сал сохранил результаты и вынес заключение не о свойствах технологии вообще, а о том, что готов был подписать сам.

— Для стоянки и доковых коррекций обход принимаю. Разрешение на обычный полёт по этой схеме не дам: изоляция уже получила лишнюю тепловую нагрузку, а состояние несущей конструкции нам неизвестно.

— Она и не задумывалась как штатная магистраль на всю оставшуюся жизнь, — пророкотал Кито. — Если бы две перемычки могли заменить заводской блок, я бы уже потребовал от капитана премию, титул и отдельную строку в корабельной истории.

— Сначала переживи осмотр, — отрезала Харк. — Потом потребуешь всё сразу.

В третий трюм я повёл группу сам, следя, чтобы никто не свернул к медицинскому сектору. Высокий отсек занимал почти всю ширину кормовой части, по стенам и потолку проходили рёбра силового набора, а закреплённое в штатных магнитных опорах «Жало» выглядело слишком целым и боеспособным на фоне израненной «Тэбити». Кито заранее физически разомкнул пусковую цепь, поставил механические блокираторы на ракетные кассеты и закрыл сервисный разъём пломбой с отметкой текущего внутрикорабельного времени.

Один корпусной специалист проверил блокираторы и пломбу, второй присел у правой задней опоры. На соплах перехватчика ещё оставались следы недавнего нагрева, а на креплении — свежие отметины от ручной регулировки после посадки. Скрыть боевой вылет при таких признаках мог попытаться только разумный, который хотел превратить обычный доковый осмотр в настоящее расследование.

— Перехватчик запускали после принятия на борт? — спросила Ивена, сверив увиденное с внешней декларацией, где «Жало» проходило грузом.

— Запускали, — ответила Харк. — На «Тэбити» напали вооружённые суда. Я выпустила перехватчик для защиты корабля.

Ивена уточнила, находится ли пилот на борту, но имени не потребовала. Ей нужно было убедиться, что во время работ Тис не сможет открыть трюм, снять блокировки и запустить машину среди людей и оборудования дока.

— Пилот находится под наблюдением врача, — сказала Харк. — Силовая цепь физически разомкнута, ракетные кассеты заблокированы. Створку открываю я или Ар по моему прямому разрешению.

Ивена повернулась ко мне.

— Вы способны открыть трюм без капитана?

— Технически да. По приказу использую доступ только для сопровождения вашей группы или при аварии. Корабельный журнал регистрирует каждое открытие.

— Питание перехватчика восстановите?

— Без главного инженера Кито — нет. Пусковая цепь разомкнута внутри сервисного блока.

Кито приблизился, чтобы инспектору не пришлось принимать мои слова на веру.

— Даже со мной запуск потребует снять пломбу, вернуть силовой разъём, убрать блокираторы и проверить кассеты. Прodelать всё это незаметно для корабельных датчиков и находящихся в трюме людей не получится.

Ивена получила ровно те ответы, за которыми пришла, и потребовала поставить на створку временный датчик. При любом открытии сигнал должны были получить капитан и дежурный дока, а после завершения работ устройство снимали. Харк согласилась, потому что датчик контролировал не наш корабль вообще, а конкретную опасную створку на время присутствия чужой бригады.

Корпусные специалисты ещё раз проверили пломбу, блокираторы и опоры. Вывозить «Жало» из трюма для продолжения текущих работ не потребовалось. Когда Ивена закрыла этот раздел протокола, я снова повёл группу по утверждённому маршруту, оставляя медицинский сектор за двумя герметичными дверями.

Инженерный отсек находился под повреждённой частью правого борта. Потолок здесь был низким, проходы между оборудованием оставались узкими, и Кито во время аварийного ремонта уже снял часть облицовки, открыв кабельные трассы, охлаждающие магистрали и временные перемычки в светлой жаростойкой оплётке. Перед нами чернело посадочное место выгоревшего распределительного блока. От нагретой изоляции и технического очистителя першило в горле.

Сал повторно сверил последовательность разгрузки и разрешил начинать. Кито поочерёдно отключал потребителей правой линии, после каждого переключения ждал стабилизации температуры левого контура и нагрузки на резервные кабели, а затем физически разомкнул обе перемычки. Часть ламп погасла, через несколько секунд включилось резервное освещение, и на моей служебной проекции основная часть правого контура окончательно стала серой. Рабочими остались только несколько резервных индикаторов. Даже из пилотского ложементы я не смог бы включить основные двигатели правого борта: ветви их питания были мертвы.

— Повреждённая магистраль обесточена, — сообщил Кито. — Перед каждым разрезом показываете мне, что находится за панелью. Пока я не подтверждаю безопасный участок, инструмент не включаете. Я не намерен оплачивать ещё один сгоревший контур только потому, что кому-то захотелось закончить смену пораньше.

Корпусной специалист провёл сканером по первой сервисной панели и вывел на экран расположение кабелей. Второй подвёл подъёмный захват и принял на него вес листа. Болты после перегрева шли тяжело; один пришлось срезать под защитным экраном, чтобы раскалённый металл не попал на проводку. Только когда Кито собственными глазами проверил открывшийся зазор, панель медленно отвели в сторону.

За ней обнаружился поперечный элемент силового набора, соединявший палубную часть корпуса с верхней частью и державший наружную обшивку, кабельные трассы и посадочное место распределительного блока. Нижний участок заметно выгнуло наружу. Я видел деформацию и на внешней камере во время постановки в док, однако снаружи она выглядела повреждением обшивки. Здесь стало ясно, что вместе с листами ушла сама несущая конструкция.

Сал присел у нижнего крепления, осмотрел металл и потребовал лазерную линейку. За базу взяли соседний поперечный элемент, на котором не было следов перегрева. Первое измерение показало неодинаковое смещение верхней и нижней точек, но Кито не позволил сразу записать результат в повреждения.

— Сначала исключите общий перекося корабля в доковых захватах, — потребовал он. — Левый борт может стоять выше, и тогда ваша красивая линия докажет только то, что «Тэбити» закрепили не идеально ровно.

Сал принял замечание без спора. Специалисты сняли контрольные точки по центральной части силового набора и противоположному борту, после чего повторили измерение. Совмещённые линии остались на прежнем месте: дело было не в положении корабля. Повело именно правую несущую конструкцию.

После этого Сал велел очистить участок у нижнего крепления и принести дефектоскоп. Головка прибора медленно прошла вдоль соединения, выводя внутреннюю структуру металла на экран. Возле крепления появилась отдельная линия разрыва, уходившая вверх внутри поперечного элемента. Специалист изменил угол и повторил проход. Разрыв остался на том же месте.

— Трещина, — сказал Сал. — Начинается у нижнего крепления и идёт вверх по поперечному элементу. Через открытую панель её конец не виден.

Кито приблизился к экрану так, словно мог заставить прибор показать больше одним тяжёлым взглядом.

— Насколько глубоко она вошла в металл?

— Пока не отвечу. Нужно открыть верхний участок, очистить доступную поверхность и повторить проверку под несколькими углами. До этого я не стану выдавать вам удобную цифру, которую потом придётся исправлять в заключении.

Харк стояла напротив вскрытого борта. Она не спрашивала, насколько всё плохо, и не требовала успокоить её. Ей нужны были действия и последствия.

— Объясните, что произойдёт при движении корабля.

Сал поднялся и указал на нижнее крепление.

— Пока «Тэбити» неподвижна в доке, этот участок не принимает нагрузку от разгона и боковых манёвров, хотя продолжает держать форму корпуса и внутреннее давление. При выходе нагрузка снова пойдёт через повреждённое крепление. Трещина начнёт расти. При резкой коррекции поперечный элемент может разойтись у основания, наружная обшивка сместится, кабельные трассы порвутся, а соседние отсеки могут потерять герметичность.

У меня свело пальцы. Ещё недавно я уверял Рета Сорна, что знаю ограничения «Тэбити» и способен удержать её одним исправным бортом. Тогда это было правдой. Теперь выяснилось, что под выгнутой обшивкой находилось повреждение, о котором ни я, ни Кито просто не могли знать. Самая аккуратная работа маневровыми двигателями не отменяла того, что каждый импульс передавался через треснувший металл.

— Двигатели способны сдвинуть корабль на малой тяге? — спросила Харк.

— Способны, — ответил Сал. — Но пока мы не установим границы трещины, никто не назовёт безопасный импульс. Разрешение на самостоятельный выход я не подпишу.

— Тогда назовите минимальный объём восстановления, после которого подпишете.

Сал развернул схему правого борта. Сначала требовалось временно зафиксировать вскрытый участок, чтобы он не смещался во время дальнейшего осмотра. Для самого ремонта док должен был установить внешнюю и внутреннюю опорные конструкции, принять на них нагрузку от наружной обшивки и продольной балки, снять деформированный наружный лист, вырезать повреждённую часть поперечного элемента силового набора, поставить новую секцию и заменить нижнее крепление. После этого следовало восстановить наружную обшивку и внутренние сервисные панели, нагрузить корпус и проверить геометрию. Распределительный блок шёл отдельной работой: без него правый контур после восстановления несущей конструкции всё равно остался бы на временном обходе.

Кито долго смотрел на схему, проверяя порядок действий. Затем ткнул пальцем в продольную балку.

— Опоры должны принять её до того, как вы вырежете повреждённую секцию. Если повесите внешний лист на отдельные упоры, а продольный элемент оставите на остаточной жёсткости, нижний край уйдёт ещё дальше, и мы получим второе повреждение уже во время ремонта.

— Согласен, — ответил Сал. — Под форму корпуса понадобятся переходные крепления. Я включу их в обязательную схему.

Харк сразу обозначила предел. Переходные крепления и опоры, без которых нельзя заменить повреждённую секцию, входили в технически необходимый объём. Усиление целых участков, замена соседних элементов или любые дополнительные конструкции требовали новых измерений и отдельного согласия капитана.

— В перечень попадёт только то, что подтверждено осмотром, — заверил Сал. — Полный объём дам после открытия верхнего участка. Только потом администрация дока сможет посчитать материалы и работу.

— Сегодня закончите? — спросила Харк.

— Нет. Даже если повреждён только один поперечный элемент, за текущую смену мы успеем завершить осмотр и поставить аварийные упоры. Основной ремонт потребует отдельной позиции в графике. Точнее скажу после повторной проверки.

Харк повернулась к Кито.

— Твоё заключение.

— Я не поведу корабль, пока повреждённую секцию несущей конструкции не заменят и корпус не проверят под нагрузкой, — ответил он без обычной иронии. — Здесь «Тэбити» уже закреплена. Чтобы попасть в другой док, нам придётся сначала выйти отсюда, пройти станционную зону и снова маневрировать при постановке. Каждое действие нагрузит это крепление. Мы можем попытаться сэкономить на тарифе, но тогда существует вполне реальный шанс привезти следующему доку уже не трещину, а разошедшийся правый борт.

Из динамика донёсся голос Олика. Он, разумеется, слушал внутренний канал и до последнего терпел, хотя по его меркам уже совершил настоящий дисциплинарный подвиг.

— Кито, передай им, что на правом борту моя каюта. Маленькая, тесная и, типа, всё равно моя. Экономить на ней запрещаю.

— Наконец-то у нас появился технический аргумент, понятный канониру, — сухо отозвался Кито.

Харк не дала разговору расползтись.

— Сал, продолжайте. Перед каждым новым разрезом Кито подтверждает безопасность участка. Ивена, ограничение на движение оформляете только по обнаруженной трещине и снятым панелям. После обязательного ремонта и проверки дока оно снимается. Никаких дополнительных запретов без нового технического основания.

— Именно так и будет записано, — ответила Ивена.

Верхнюю сервисную панель снимали медленнее первой. Корпусники повторяли сканирование после каждого открытого участка, а я помог перенести первый лист к свободной стене, потому что в узком проходе он мешал работать. Металл ещё сохранял тепло. Выгнутый край не ложился на опоры ровно, и вдвоём нам пришлось удерживать его, пока захват не принял весь вес.

За верхней панелью Сал нашёл конец трещины в пределах того же поперечного элемента. До верхнего крепления она не дошла. Повторная проверка под несколькими углами не выявила повреждений в соседнем участке силового набора. Это сокращало объём будущего ремонта, но не меняло главного: повреждённую секцию требовалось вырезать и заменить, а самостоятельно покинуть док «Тэбити» больше не могла.

Ивена оформила ограничение прямо при нас. До конца текущей смены док устанавливал временные аварийные упоры, которые должны были удержать вскрытый участок в обнаружен-

ном положении. Эти работы укладывались в подтверждённый лимит гарантии Мати. Основные опорные конструкции для ремонта, переходные крепления, новая секция несущего элемента, распределительный блок и следующая смена требовали отдельного согласования и оплаты.

Харк прочитала запись от первой строки до последней.

— Подтверждаю только аварийную фиксацию и завершение осмотра. К основной конструкции, наружной обшивке и повреждённой секции без моего отдельного распоряжения не прикасаться.

Ивена внесла подтверждение. Корпусники начали снимать размеры под временные упоры и отмечать точки крепления. Они ещё не ремонтировали корабль и не готовили повреждённый элемент к вырезанию. До конца смены им предстояло только удержать вскрытый правый борт в том положении, в котором его застал осмотр.

Харк отвела меня к выходу из инженерного отсека. За её плечом Кито уже проверял вместе с Салом место первой опоры.

— Возвращайся на мостик, — приказала она. — Проверишь резервное питание, внутреннюю связь и состояние правого контура. Если кто-то попытается выйти из медсектора или докеры потребуют изменить маршрут, сразу вызываешь меня.

— Так точно, капитан. Всё понятно.

Я ещё раз посмотрел на вскрытый борт. Временная обходная схема удерживала питание, но не несущую конструкцию. Теперь даже самый осторожный манёвр мог увеличить повреждение, которое мы не видели до тех пор, пока чужие люди не сняли первую панель.

Я оставил Кито возле открытого силового набора и пошёл на мостик. За спиной заработал сканер, потом застучал крепёжный инструмент, и мелкая вибрация прошла по палубе. Основная часть правого контура на моей служебной проекции оставалась серой. Пока док не заменит повреждённую секцию, не восстановит наружную обшивку и Сал не подпишет акт проверки корпуса, «Тэбити» останется на своей позиции.

Глава 5. Цена

Когда я вернулся на мостик, там сидел в одиночестве Олик, на своём посту в ложементе, и следил сразу за внешними камерами, связью с доком и внутренними датчиками. На его обзорном поле рабочая платформа медленно ползла вдоль правого борта «Тэбити», останавливаясь возле каждого вскрытого участка. За спиной у людей в защитных костюмах тянулись кабели и шланги, а яркий свет переносных прожекторов резал темноту дока на отдельные белые площадки.

Я опустил в свой пилотский ложемент и запустил процедуру сопряжения с пилотским пультом. Система поочерёдно проверила личный допуск, отклик импланта и доступные каналы управления, после чего вывела на рабочее поле полную схему состояния корабля. По всему левому борту схема оставалась рабочей. Питание доходило до двигателей, датчиков и вспомогательных систем. На правой большая часть линий заканчивалась серыми отметками отключения. Отдельная резервная линия питала только датчики, связь и несколько малых двигателей, которых хватило бы для осторожной коррекции внутри дока, но не для самостоятельного выхода в космос.

Я провёл штатную проверку связи, дважды опросил датчики правого борта и послал тестовую команду на малые двигатели. Пульт принял её, показал доступную тягу и сразу ограничил продолжительность работы без единого сообщения об ошибке. Именно так Кито и предупреждал: корабль мог немного изменить положение, если этого потребуют люди дока, но обычного пилотского управления правым бортом у меня больше не оставалось.

Раньше повреждение существовало для меня в виде жара, красных предупреждений и неприятной задержки отклика. Исправен был пульт, и сопряжением все было отлично, но всё равно не мог заставить половину корабля ответить. Слово «трещина» оказалось хуже любого аварийного сигнала. Сигнал сообщает, что случилось, а потом оставляет тебе работу. Трещина в несущей конструкции отнимала саму возможность действовать. Даже если я безошибочно рассчитаю тягу, металл получит нагрузку и начнёт расходиться дальше.

— Правая силовая магистраль остаётся отключённой, — доложила «Тэбити». — Показания датчиков на вскрытом участке не изменились. Внутренняя связь внутри корабля работает штатно. Медицинский сектор закрыт, перемещений за его пределы не было.

— Принял, капитану, отчёт отправляю немедленно, — ответил я и передал ей результаты проверки.

Олик некоторое время смотрел на меня молча. Он казался меньше только до тех пор, пока не начинал двигаться. Потом широкие плечи снова заполняли весь его рабочий пост, а пальцы беспокойно перебирали край пульта, будто наш канонир пытался нащупать проблему, которую можно было решить оружием или хотя бы угрозой его применения.

— Ты сейчас, типа, проверял, не передумала ли трещина? — спросил он.

— Я проверял связь, резервное питание и доступную тягу. Трещины редко передумывают только потому, что пилоту уже очень хочется улететь.

— Это, типа, совсем плохая новость, — серьёзно признал Олик. — С разумным противником можно хотя бы договориться. Или убедительно объяснить ему ошибку.

Он выразительно посмотрел на свою кобуру, но продолжать не стал. Я тоже не нашёл подходящей шутки. За внешней обшивкой люди дока уже снимали размеры под аварийные упоры, а серые отметки на моей схеме оставались на месте, сколько бы я на них ни смотрел.

Комм подал сигнал закрытого вызова Харк. Она говорила из инженерного отсека; за её голосом слышались короткие удары инструмента и спокойные команды Сала.

— Ар, ты уже закончил проверку?

— Проверку я уже закончил полностью. Резервная линия работает, связь внутри корабля устойчивая. Основная часть правой силовой магистрали отключена, а доступной тяги хватает только для небольшой коррекции положения внутри дока. Ничего нового, капитан.

— Тогда запроси выписку по корабельному счёту и подготовь точную сумму, которой мы сможем располагать после уже принятых платежей. Личные деньги экипажа вынеси отдельно и без прямого согласия владельцев в расчёт не включай. Ничего не сокращай самостоятельно без моего разрешения. Мне нужен настоящий остаток, а не цифра, которую приятно увидеть перед сметой.

— Понял задачу, капитан, ничего сокращать не стану.

После отключения связи я закрыл ходовую проверку, оставил состояние правого борта на отдельной панели и через корабельную систему запросил доступ к финансовой выписке. Система отправила запрос капитану, а через несколько секунд на пульте появилось её подтверждение, после чего «Тэбити» открыла счёт и перечень уже принятых расходов.

Я видел эти строки раньше по отдельности. Сначала депозит за постановку в док, затем работа буксира, внешний осмотр, внутренний осмотр, питание корабля от станции, стоянка и аварийные работы, которые шли прямо сейчас. Каждая сумма в своё время выглядела неприятной, но терпимой. Вместе они оставляли на корабельном счёте куда меньше денег, чем я держал в памяти после нашего последнего заработка.

К уже выставленным платежам добавлялись расходы, которые нельзя было просто забыть до лучшего времени. «Тэбити» требовались топливо, продовольствие и обычные материалы для обслуживания. В медицинском перечне Риваша оставались лечение Тис и пополнение запаса лекарств и расходных материалов, которые он потратил после её возвращения. Я не знал, сколько времени она ещё проведёт у него, и потому не имел права уменьшать эту строку по собственному желанию. Выплаты членам экипажа стояли отдельными строками. Они принадлежали людям, а не повреждённому кораблю, каким бы убедительным ни выглядел наш будущий счёт.

Я перенёс обязательные платежи в отдельную часть таблицы и вывел сумму, которая действительно оставалась у Харк для ремонта. Олик видел только общий итог без личных данных экипажа, но этого ему хватило. Он перестал перебирать пальцами край пульта и подался вперёд в оружейном ложементе.

— Это действительно всё, что осталось? — спросил он.

— Это деньги корабля после уже принятых расходов. Сметы на основной ремонт пока нет.

— Я спрашивал не про смету. Я спрашивал, это действительно всё, что осталось у «Тэбити»?

— Да, это действительно весь остаток.

Олик шумно втянул воздух, покосился на рабочую платформу за бортом и снова посмотрел на итоговую строку.

— Тогда хорошо, что Харк оставила личные деньги отдельно. Так у нас хотя бы будет на что поесть, когда корабль окончательно решит разорить весь экипаж.

— В этом корабль точно не виноват.

— Я знаю, — ответил он уже без улыбки. — Просто на трещину ругаться бесполезно, а на деньги скучно.

Некоторое время мы оба молчали, а я попытался вспомнить, сколько вообще стоит замена части несущей конструкции грузового корабля, и почти сразу остановил себя. Никакого «обычно» у меня не было. Я умел вести «Тэбити», мог оценить расстояние до стенки дока по изображению с камеры и чувствовал изменение тяги раньше, чем пульт успевал вывести предупреждение. Цены на опорные конструкции, работу специалистов и замену повреждённого

металла находились за пределами моей профессии. Любая цифра, которую я сейчас придумал бы для собственного успокоения, осталась бы выдумкой.

Кито вернулся на мостик позже, когда люди дока уже закончили снимать размеры и начали устанавливать первые аварийные упоры. Он вошёл через боковую створку, на ходу вытирая длинные пальцы ветошью. На рукаве рабочего комбинезона осталась светлая металлическая пыль, а от пахло него очистителем и горячей изоляцией. В другой руке он держал планшет с заключением Сала.

— Капитан ещё в инженерном отсеке, — сообщил Кито вместо приветствия. — Она проверяет формулировки административного ограничения вместе с Ивеной. Сал закончил обязательный технический перечень и передал его доку для расчёта.

Он подошёл к инженерному пульта, подключил к нему планшет и вывел на общее поле схему повреждённого борта. Я сразу узнал поперечный элемент, который видел за снятыми панелями. Красная линия начиналась у нижнего крепления, поднималась вверх и заканчивалась раньше верхнего соединения. Соседняя часть несущей конструкции оставалась без отметок повреждения.

— Границы повреждения уже подтвердили окончательно? — спросил я.

— Подтвердили настолько, насколько позволяют открытые участки и приборы дока, — ответил Кито. — Повреждён один поперечный элемент, а соседний проверенный участок остался цел. Скрытого продолжения трещины по доступным данным нет, поэтому Сал не включил в обязательные работы замену чего-либо ещё.

— Что можно перенести на потом?

Кито посмотрел на меня поверх схемы. В его лице не было ни обычного раздражения, ни желания объяснять очевидное особенно медленно. От этого мне стало хуже. Инженер оставлял язвительность только там, где ещё существовало пространство для спора.

— В восстановлении несущей конструкции переносить и обсуждать нечего, Ар. Сначала док установит внешние и внутренние опоры, которые примут нагрузку от наружной обшивки и продольного элемента. Только после этого специалисты смогут снять деформированный наружный лист, вырезать повреждённую часть поперечного элемента и поставить новую секцию. Затем придётся заменить нижнее крепление, вернуть наружную обшивку, закрыть внутренние сервисные панели и проверить корпус под нагрузкой. Пока Сал не подпишет результаты этой проверки, корабль не выйдет из дока своим ходом.

Каждая операция находилась на своём месте. Я видел открытый борт и понимал, зачем нужны опоры. Видел трещину у нижнего крепления и понимал, почему нельзя оставить повреждённый металл. Помнил, как выгнутый лист едва не прошёл рядом с рабочей платформой при постановке в док, и не мог сделать вид, что восстановление обшивки является прихотью администрации. В перечне не было ни одной строчки, которую можно было вычеркнуть одним уверенным движением и назвать экономией.

— Распределительный блок входит в тот же перечень? — спросил я.

— Распределительный блок указан отдельной работой. Несущую конструкцию можно восстановить без него. После проверки корпуса я способен снова собрать временный обход и вернуть питание части правого борта. Тогда «Тэбити» сможет осторожно перейти на другую стоянку внутри станции или выйти к месту, где её примет буксир.

Олик повернул голову к инженеру.

— Значит, сначала чиним корпус, потом выходим, зарабатываем и возвращаемся за блоком. Я правильно понял дешёвый вариант?

Кито положил ветошь рядом с пультом, развернулся к нему всем телом и некоторое время молча смотрел, проверяя, действительно ли канонир ожидает ответа.

— Ты правильно понял только первую половину, — наконец произнёс он. — После повторной сборки обхода корабль сможет переместиться внутри станции. На этом дешёвый

вариант заканчивается. Временные соединения уже работали после перегрева, выдержали наш перелёт до Калим-Тоша и постановку в док. Если мы снова запитаем через них магистраль и выйдем в рейс, одна серьёзная нагрузка может оставить весь корабль на единственной исправной магистрали. Второй ремонт своими силами по перераспределению питания у меня тогда займёт недели.

— То есть груз мы не возьмём...

— Груз мы взять можем, — сухо ответил Кито. — Даже очень тяжёлый, если тебе хочется развалить корабль с полным трюмом. Улететь с ним и гарантированно довести до места уже не получится.

Олик нахмурился, потом медленно поднял обе ладони над пультом.

— Хорошо, своё предложение я снимаю. Я просто проверял, входит ли самоубийство в базовую цену или док выставит отдельный счёт.

— Самоубийство обычно бесплатно, — сказал Кито. — Дорого обходятся последствия для всех остальных.

Я перевёл взгляд на серые участки правой магистрали. До разговора с Кито сокращённый ремонт выглядел плохим, но всё-таки выходом. Теперь в нём осталась только возможность переставить корабль с одного места на другое. «Тэбити» переставала быть транспортом и превращалась в недвижимое имущество, которое продолжало есть деньги за стоянку и обслуживание.

— Перевод в другой док имеет смысл? — спросил я.

Кито сразу понял, что я ищу любую физически допустимую дорогу между нами и будущим счётом.

— Перед перевозкой придётся закончить аварийную фиксацию, закрыть вскрытые места и установить дополнительные опоры, чтобы корпус выдержал работу буксира. Обычная доковая машина с таким кораблём не пойдёт. Понадобится транспортный буксир, способный принять массу «Тэбити» без самостоятельной помощи двигателями. В другом доке мы снова оплатим постановку, подготовку рабочего места, проверку повреждения и снятие панелей. Более низкая цена самого ремонта может не перекрыть перевозку и повторные работы.

— Другие предложения ты уже успел проверить?

— Пока Сал заканчивал осмотр, я запросил несколько предварительных расчётов по Калим-Тошу. Два дока назвали меньшую цену за работу специалистов, но никто не согласился принять корабль без собственного осмотра. Стоимость перевозки они вообще не считают своей проблемой. Подтверждённой выгоды я не нашёл.

Олик тихо присвистнул и посмотрел на меня.

— Получается, мы можем дорого остаться здесь или ещё дороже попытаться уехать туда, где, возможно, будет не дешевле.

— Ты наконец начал понимать экономику ремонта, — ответил Кито. — Она состоит в том, что за каждую попытку сэкономить сначала приходится заплатить.

С бокового канала пришло уведомление от Риваша. Я до этого направил ему запрос по медицинским расходам, и теперь на личной части экрана появилось подтверждение. Врач не изменил схему лечения Тис и не разрешал сокращать заявку на пополнение запаса лекарств и расходных материалов, которые он израсходовал после её возвращения. Я перенёс его ответ к обязательным платежам. Итоговая сумма денег, доступных для ремонта, стала немного меньше.

Олик заметил изменение общего результата, но спрашивать о лечении Тис не стал. Он знал, где она находится и в каком состоянии вернулась на корабль. Вопросов у него было много, однако задавать их через закрытую дверь медицинского сектора безопасник не пытался, по крайней мере вслух при Харк.

— Теперь обязательные расходы подтверждены полностью? — спросил он.

— Теперь мы хотя бы честно знаем, сколько денег у нас есть до получения сметы.

— Честность, типа, опять оказалась дорогой привычкой.

На этот раз Кито не стал спорить. Он продолжал смотреть на схему правого борта, задерживая внимание на нижнем креплении. Я понял, что инженер мысленно уже разбирает будущую работу по действиям, доступу и возможным ошибками мастеров дока. Для него смета ещё не существовала, но повреждённая обшивка уже требовала вполне конкретных часов, оборудования и чужих рук.

Харк вернулась на мостик, когда аварийные упоры приняли вскрытый участок и специалисты дока начали убирать измерительные приборы. Она вошла стремительно, но у командирского ложементостановилась и провела ладонью по краю пульта, словно проверяла, не перенесла ли с собой металлическую пыль. На куртке действительно осталось несколько светлых следов, а прядь белых волос выбилась из-за уха и легла на щеку. Харк убрала её одним раздражённым движением, опустилась в ложемент и открыла заключение Сала.

— Докладывайте по существу, без повторения всего осмотра, — приказала она.

Сначала Кито подтвердил техническое состояние. Он не повторял весь осмотр, а перечислил только то, что изменило наши возможности. Повреждён один поперечный элемент несущей конструкции, соседний проверенный участок цел, аварийные упоры удержат вскрытый борт до конца текущей смены, но не позволят включить двигатели и не заменят ремонт. Для самостоятельного выхода требовались новая секция, нижнее крепление, восстановленная обшивка и проверка корпуса. Без распределительного блока после ремонта несущей конструкции корабль мог получить временное питание, однако в рабочий рейс Кито его не выпускал.

Харк слушала, не перебивая, и задавала вопросы только там, где технический вывод превращался в решение капитана. Она уточнила условия перевозки в другой док, убедилась, что Кито не нашёл подтверждённой экономии, и потребовала приложить к общему журналу все полученные предложения. После этого повернулась ко мне.

— Сколько дукатов остаётся на корабельном счёте?

Я вывел финансовую таблицу на центральное поле, оставив закрытыми личные данные экипажа. В одной части стояли уже принятые платежи и обязательные расходы до следующего возможного рейса, в другой — сумма, которой Харк могла распоряжаться для ремонта. Пока рядом не было цены, остаток выглядел небольшим, но ещё не окончательным приговором.

— Это фактическая сумма после оплаты уже принятых работ, топлива, продовольствия, медицинской заявки Риваша и обычного обслуживания, — объяснил я. — Личные деньги экипажа сюда не включены. Ничего из обязательных расходов я не сокращал.

Харк просмотрела каждую строку и на медицинской заявке задержалась дольше, увидела подтверждение Риваша и оставила сумму без изменений. Потом проверила, какие материалы Кито разрешил перенести на более позднюю закупку, и спросила инженера, не спрятал ли он среди обязательных запасов собственное желание перестроить половину корабля.

— Если бы я собирался перестроить половину корабля, капитан, — невозмутимо ответил Кито, — вы бы узнали об этом не по строке расходов, а по отсутствию половины переборок. Я оставил только то, без чего после ремонта мы начнём покупать обычные материалы на первой же остановке, но уже по аварийной цене.

— Значит, эти материалы пока оставляем...

— Редкий случай разумного финансового решения, — одобрил инженер.

Харк подняла на него светлые глаза.

— Продолжишь, и первым сокращённым расходом станет твоя грибная настойка и самогонный аппарат.

Кито поджал губы и вернулся к смете. Олик издал короткий звук, похожий на подавленный смешок, но благоразумно не стал развивать тему. На несколько секунд мостик снова стал

привычным местом, где люди знали слабые места друг друга и могли позволить себе ударить по ним словами. Потом «Тэбити» подала сигнал входящего документа, и это ощущение исчезло.

— Администрация дока передала предварительную смету по обязательному перечню Сала Венара, — сообщила она. — Дополнительные повреждения, которые могут обнаружиться во время ремонта, в расчёт не включены и потребуют отдельного согласования.

Я открыл документ, и первые строки относились к опорным конструкциям и переходным креплениям, затем шли удаление повреждённой части поперечного элемента, изготовление новой секции, замена нижнего крепления, восстановление наружной обшивки и проверка корпуса под нагрузкой. Отдельный раздел занимали распределительный блок, кабели и сборка правой силовой магистрали. Ниже были указаны работа специалистов, оборудование дока и время, которое «Тэбити» займёт ремонтную позицию.

Я читал медленно, потому что торопиться больше не имело смысла. Каждая крупная строка возвращала меня в инженерный отсек. Вот опоры, без которых Сал не разрешит вырезать повреждённый металл. Вот новая секция на месте трещины. Вот наружный лист, который выгнуло так сильно, что я просил буксир сместить нас в сторону. Вот распределительный блок, чёрное посадочное место которого я видел собственными глазами. Док не продавал нам абстрактное спасение. Он назначал цену каждому действию, без которого «Тэбити» оставалась неподвижной.

Итоговая сумма превышала деньги корабельного счёта настолько, что я сначала решил, будто одна из дорогих операций попала в документ дважды. Я развернул приложения, сверил номера работ и прошёл перечень снова, но повторного начисления не обнаружил. Затем ещё раз проверил, не включила ли администрация усиление исправных участков или замену соседних элементов, от которых Харк отказалась заранее, и ничего лишнего не нашёл.

Кито забрал техническую часть на свой экран и стал проверять смету независимо от меня. Олик перестал двигать пальцами и смотрел только на итог. Харк сидела неподвижно, положив ладони на подлокотники командирского ложемента. По её лицу нельзя было понять, насколько сильно ударила цифра, но она не попросила «Тэбити» скрыть её и не закрыла документ раньше, чем мы закончили проверку.

— Обязательные работы совпадают с заключением Сала, — произнёс Кито. — Повторных начислений я тоже не обнаружил. Цены на основные операции близки к тем, которые называли другие доки. По отдельным строкам можно спорить и добиваться снижения, но возможная скидка не покроет нехватку денег.

— Покажи полный ремонт и вариант без нового распределительного блока, — приказала Харк.

Я скопировал смету и в полном варианте оставил все обязательные работы и восстановление правой силовой магистрали. Во втором убрал распределительный блок, штатные кабели и сборку магистрали, после чего добавил повторную установку временного обхода. Кито проверял каждое изменение и не позволил снять ни одной операции с несущей конструкции или наружной обшивки.

Полный вариант оказался недоступен сразу. Сокращённый стоил меньше, однако деньги корабля не покрывали даже восстановление несущей конструкции. Я убрал те закупки для обычного обслуживания, которые Кито согласился перенести. Потом проверил, что останется, если потратить весь запас, кроме топлива, продовольствия и лечения Тис. Нехватка уменьшилась, но не исчезла. При этом после такого платежа у «Тэбити» не осталось бы денег на обычную работу после ремонта.

Я смотрел на две суммы и чувствовал себя пилотом, которому дали два маршрута, оба заканчивавшиеся внутри опасной зоны. Первый требовал денег, которых у нас не было. Второй требовал чуть меньше, но оставлял корабль без нормального питания правого борта и без права идти в рейс. Обычно в такой ситуации я искал третий вектор. Например, снижал ско-

рость, менял высоту, уходил через звезду или заставлял двигатель работать там, где производитель не советовал. С цифрами этот навык не помогал. Они не зависели от моей реакции и не становились меньше оттого, что я видел проблему раньше остальных.

— Даже сокращённый вариант мы полностью не оплатим, — сказал я. — После переноса всего, что Кито разрешил купить позже, денег всё равно не хватает на восстановление несущей конструкции. Полный ремонт с распределительным блоком находится ещё дальше.

Олик опустил голову и несколько секунд рассматривал собственные ладони.

— Моя ближайшая выплата лежит отдельно? — спросил он.

— Твоя ближайшая выплата стоит отдельно, — ответила Харк прежде, чем я успел открыть личную часть таблицы.

— Тогда я могу, типа, немного подождать. Не навсегда, типа, но до первого нормального рейса. Пока мы стоим в доке, мне деньги нужнее не станут.

Харк посмотрела на него без обычной командирской жёсткости, но ответила так же прямо.

— Я услышала и запомнила твоё предложение. Пока срок выплаты не наступил, деньги не трогаем. Если они действительно понадобятся, отдельно запишем сумму и дату возврата. Я не буду собирать с экипажа добровольные пожертвования в тот момент, когда люди привязаны к повреждённому кораблю и не могут спокойно отказаться.

Олик нахмурился, однако спорить не стал.

— Я, типа, могу отказаться и сейчас.

— Именно поэтому я ничего не возьму у тебя сейчас.

Канонир снова посмотрел на итоговую сумму. Его предложение не решало проблему, и он это понимал не хуже меня. Даже ближайшая выплата Олика только уменьшила бы разрыв, но не закрыла его. Канонир остался бы на станции без собственных денег, а корабль — с тем же повреждённым бортом.

Харк закрыла личный раздел и вернула на центральное поле две сметы.

— Другие варианты, которые можно выполнить немедленно, есть?

— Перевод в другой док не даёт подтверждённой экономии, — напомнил Кито. — Самостоятельный ремонт повреждённого элемента невозможен. У нас нет оборудования для изготовления новой секции, опорных конструкций и проверки корпуса под расчётной нагрузкой. Оставить всё как есть и выйти нельзя. Временно восстановить питание можно только после ремонта несущей конструкции, на который у нас уже не хватает денег.

— Значит, собственных средств нам недостаточно, — произнесла Харк.

После этих слов на мостике стало тихо. За внешней обшивкой включился крепёжный инструмент, и по корпусу прошла мелкая дрожь. Люди дока устанавливали последние аварийные упоры, которые сохраняли корабль в нынешнем состоянии до конца смены. Они не исправляли трещину и не возвращали нам возможность лететь. Они только не позволяли повреждению стать хуже прямо сейчас.

Я подумал о чипе Дакара, лежавшем во внутреннем кармане куртки. Он сказал, что Мати нас кинет, и оставил координаты на тот случай, когда это произойдёт. Пока Дрэнг не нарушил ни одного обещания. Он помог попасть в док раньше, согласился стать аварийным гарантом и не требовал ничего сверх заранее установленных правил. Но именно поэтому предупреждение Дакара теперь тревожило меня ещё сильнее. И, вероятно, не только меня. За мою прошлую жизнь зависимость не обязательно начиналась с обмана. Иногда достаточно было повреждённого корабля, пустующего счёта и человека, который единственный из известных нам мог быстро дать недостающие деньги.

На общем канале появился внешний запрос. «Тэбити» вывела имя отправителя и цель обращения на центральное поле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.